



О писателе Алексее Варламове литературная критика говорит сейчас достаточно много. К своим сорока годам он успел написать несколько произведений, заставивших обратить на себя внимание. В отличие от других писателей «неореалистов» он отягощен серьезнейшим филологическим образованием, полученным в Московском государственном университете. Это может не иметь никакого значения в писательских биографиях или иметь косвенное. Но может и иметь серьезнейшее, как в случае с Алексеем Варламовым. Ему,

помимо всего прочего, москвичу, пришлось преодолеть на пути к своей реалистической манере множество искусственных литературных влияний, чаще всего сулящими писателю быстрый и поверхностный успех. То, что филолог Варламов современную литературу знает, не может вызывать никаких сомнений. Его ориентация в своем творчестве на реалистическую традицию, через много посредников восходящую к Льву Толстому, в современном литературном контексте воспринимается необычно. Почти вызывающе.

Меденатъ  
3

Варламов Алексей  
(мелкобелое)

14.02.03,

# О скитаниях вечных и ДОРОГЕ ДОМОЙ



Смотреть в этом году

## Ночь славянских фильмов

Один из лучших рассказов Варламова, название которой стало и названием книги 1999 года, - «Ночь славянских фильмов», достаточно четко демонстрирует как художественный метод Варламова, так и тот круг проблем, которые его волнуют и трогают.

Герой рассказа, сливающийся с автором, читает русскую литературу в городе Генте фламандским студентам, находится за границей в длительной командировке. Действие рассказа охватывает одну ночь, когда рассказчик получает известие о том, что его жена с сыном не дали визу, и он, огорченный этим, идет бродить по вечно туманному и дождливому Генту, охваченный тем смутным чувством обиды и горечи, в тисках которого русский человек обычно идет пропустить стакан-другой.

Перед глазами проходят пейзажи этой замечательной европейской страны. «В ней не было ни чрезмерного германского избытка и назойливой упорядоченности, ни голландской скупости и деловитости, ни французских изящества и спеси. Я даже не думал, что она так запалет в мое сердце и такой нежностью отзовется. Она была самая домашняя и самая в Европе нам близкая, она подарила нам Уленшпигеля - русейшего из всех европейских героев. Но теперь во мне все перевернулось - я почувствовал острое желание бросить работу и уехать. В этом отказе мне почудилось что-то унижающее, задевающее мое достоинство и, может быть, даже более отталкивающее, чем бывшие советские бюрократические препоны. Это было настолько неприятнее, насколько хамство воспитанного человека отвратительнее грубости хама».

...Как известно, самые глубокие и дельные мысли о России приходили русским писателям за границей. Тургенев писал «Записки охотника» «на расстоянии», Гоголь лучшие страницы о России написал тоже за границей. Этот широко известный факт, о котором обычно вспоминают с оттенком юмора, говорит всего лишь о том, что понимание своей собственной души, ее национальной основы происходит при столкновении с чужим, но не обязательно чуждым, острее и непосредственнее. Чужие характеры подталкивают к сравнениям со своим собственным. Знакомство с иным вообще благотворно. Это сравнимо с тем, как человек, изучающий другой язык, постепенно, вслушиваясь в его звуки, познавая его изгибы и неожиданные сюрпризы, начинает лучше чувствовать собственный. В своем собственном открываются незамеченные ранее глубины, ошутимее становится его теплота. И то, что чужой язык тоже достаточно хорош и гибок и по своему логичен, так же заставляет ошутить множественность человеческих культур и душ, как взгляд в бесконечное небо - множественность миров. И ты начинаешь сильнее дорожить своим, ценить свой. Если, конечно, ты душевно здоров, если ты не перекачи-поле, если ты не изгой на земле и если ты, как многие сейчас, не хватаешься безоглядно и с радостью за чужое, отбрасывая свое.

Рассказ Варламова об этом. Передумав много и измучившись соб-

ственными мыслями, уже поняв и едва ли не простив осторожных чиновников, для которых Россия - «варварская страна, нависшая над всей Европой бесформенной глыбой, грозящая обвалиться на их мирные домики», рассказчик попадает на студенческую вечеринку местных филологов-славистов. Эти благополучные мальчишки и девочки предпочли престижным и перспективным профессиям изучение культуры странной и далекой страны и ее головоломного языка с целым ворохом падежных окончаний, исключений из всяческих правил, которая сама - одно большое исключение из правил. Эти студенты устраивают вечеринку с распитием водки из пластмассовых стаканчиков и с показом фильмов Никиты Михалкова и Андрея Тарковского (кого же еще, чтобы понять русскую душу?). Попав на этот смешной и чистосердечный бал-маскарад, где «иные были одеты в шинели и фуражки солдат и офицеров Красной армии, другие в телогрейки и шапки-ушанки», герой рассказа находит разрешение мучительного вопроса.

Решение приносит беседа с супружеской парой из России, после долгих мучений, мытарств и унижений сумевших получить гражданство в этой европейской стране. Двинувшие на Запад в эпоху всеобщего шатания, одержимые единственным желанием выбраться из «совка», он, побывав в лагерях беженцев, поработав на самых грязных и унижающих работах. Она успела, кажется, побывать и на панели. Пройдя все это, они добились желаемого, стали «полноценными» европейцами.

«Они рассказывали об этом со смешанным чувством - и с удовольствием, как люди, счастливо избежавшие опасности или перенесшие тяжелое испытание или болезнь и даже любующиеся издали этой опасностью, и со скрытой горечью и пониманием, что, случись им такое снова, они бы этого уже не вынесли. Что-то тревожное чудилось мне в этом рассказе, точно крылось в нем неблагополучие и опасение: а вдруг они ошиблись и неправильно выбрали, вдруг там, на покинутой родине, все-таки лучше? И отсюда жадный вопрос: ну как там, в «совке»-то? И желание, чтобы я этот «совок» проклинал и им завидовал».

От высокой реалистической традиции Варламов унаследовал панорамность взгляда и убедительный психологизм. Эти еще молодые люди не выглядят так, как они выглядели бы в рассказе какого-нибудь ложно славянофильствующего сочинителя. Это вполне симпатичные молодые люди, однажды сделавшие свой выбор.

Любимый римский поэт космополита Иосифа Бродского Марциалл однажды написал короткую, но очень многозначительную эпиграмму, которую нобелевский лауреат, любивший цитаты из Марциалла, нигде не цитирует.

**Если ты живешь везде, Постум, то ты нигде не живешь.**  
Римляне, как и древние греки, знали толк в том, что называется притяжением родных стен. Ведомо это чувство было и насмешнику Марциаллу... Ни в одной книжке с тех пор не встречалось мне более сильного и более короткого высказывания о людях, которые отреклись от своего...

А рассказ Варламова кончается так: «По дороге домой мне попалась старуха-турчанка. Она шла, заматанная в свой платок, я подмигнул ей - турчанка посмотрела на меня удивленно и что-то проворчала, наверное, она решила, что я над ней смеюсь. Я показал ей большой палец - она сердито отвернулась и прошла мимо. Эх, жаль, что я не знал турецкого языка, я бы сказал ей: держись старуха, носи свою паранджу и не забывай, что ты из Турции и Турция твоя ничуть не хуже этого маленького чудного королевства. А на востоке, да простит меня читатель за столь тенденциозный и патристический конец, но там, на востоке, появилась полоска света, и мне вдруг почудилось, что в этой полоске мелькнула большая тень уходящего в Россию Тили Уленшпигеля».

То, что автор заставляет местного национального героя отправиться в сторону России - многозначительный, хотя и немного наивный символ. Веселый и трагический защитник всех униженных и оскорбленных, распевающий в любых обстоятельствах:

**Жить - вот девиз мой боевой!  
Под солнцем жить всего**

**дороже.  
Я защищен двойною кожей,  
Своей природной и стальной!** - уходит туда, где он, оказывается, и роднее, и нужнее.

## О наивности душ

У Алексея Варламова есть и неудачные вещи, даже очень неудачные. Таким, на наш взгляд, стал роман «Купавна».

«Купавна» - это попытка написать свое детство. Нет ничего проще для писателя и нет ничего сложнее. История взросления московского мальчика, сына советского цензора, в поздние советские времена с их тишиной и нравственным неблагополучием, начатое на высокой лирической ноте, по-толстовски мощно и по-тургеневски нежно и лирично, выдыхается уже к исходу первой части, превращается в перечисление этих фактов взросления. Прихотливое описание дачного детства, Купавна - дачная местность под Москвой, притягательно, но не выдерживает романного размаха. Неподъемно длинные «толстовские» предложения с массой оборотов тяжело волокутся по земле и почти нигде не взлетают. А перечисления названий цветов, которые так любит автор пробовать на звук, только усугубляют впечатление. Роман хорошо должен читаться на такой же даче, если ты не слишком обременяешь себя садовыми огородными страстями и когда в запле у тебя целая отпускная вечность длиной в четыре недели. И если ты забыл все остальные книги в городе. Но не более того.

Романное дыхание возможно и не для Варламова, хотя он прозаик настоящий и склонный к большим эпическим охватам.

В прозе Варламова есть какая-то свежая наивность души, спасающая Варламова-писателя от Варламова-филолога. Его умение написать рассказ простой до наивности поразительно. Борис Слуцкий сказал бы о таком рассказе: «простой, как топор». В таком рассказе видно все. И что взят схематичный, чуть ли не советский сюжет. И что построен он простовато, делится на три час-

ти с три раза повторяющимся мотивом. Едва ли не по законам школьного сочинения. И в конце каждого такого рассказа с почти фанатичной твердолобостью писатель помешает едва ли не развернутую финальную мораль, словно не надеясь на читателя, вместо того, чтобы многозначительно и модно промолчать. И тем не менее такие рассказы больше всего ему и удаются. И они хороши. И самый удачный рассказ Варламова именно такой. Называется он «Присяга».

... Студенты военной кафедры университета проходят последний сбор в лагере, опять же под Москвой на берегу Клязьмы. Дело происходит тогда, когда ничего никому не надо. И офицеры прекрасно понимают, что все это чушь собачья и никому это не нужно, что студюзузы эти лейтенантами будут фальшивыми, поэтому ничего с них не требуют. И живут ребята припеваючи - пьют самогона, баб на ночь в палатки приводед, «готовятся к присяге». Вдруг в лагере появляется настоящий боевой офицер с обожженным лицом, вечный капитан, молчаливый. Не тупой солдафон, не зверь, просто молчаливый и погруженный в себя человек. Однажды ночью, в грозу, под проливным ледяным дождем он поднимает всю эту московскую избалованную студенческую вольницу по тревоге. «В десяти километрах отсюда высадился вражеский десант, ставлю задачу - найти и уничтожить». И вот они, ничего не понимающие в своих слоновьих противогазах, бегут мимо деревни и мимо полыхающих среди молний куполов своей православной церкви, мимо испуганной безумной старухи, крестьящейся в окно и думающей, что снова началась война. И в конце изматывающего броска - «окопаться, враг перед нами». Рубят корни саперными лопатками. И рассказчик - такой современный молодой человек - признается: «В ту ночь с этим капитаном я понял, что, начнись такое, я умру и за эту церковь, и за этот лес, и за эту старуху в окне».

И когда офицер так же неожиданно дает отбой тревоги, осматривает горе-окопы, ямки, вырытые горе-лейтенантами и видит, что у героя рассказа эта ямка, в которой и ребенок не спрячется, на три сантиметра глубже, так же спокойно, как и вначале, говорит:

- Объявляю вам благодарность.
- Есть.
- Что есть?
- Служу Советскому Союзу...

Варламов пишет все это не из стремления пооригинальничать или позлить кого бы то ни было. Он пишет все это чистосердечно, как все такие писатели, почти бесплатно, из чувства убежденности и конечной правоты.

Александр МЫЗНИКОВ.